

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

К.П. Тиле

Понятие, цель и метод науки о религии

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1903. № 2. С. 261-281.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Введение въ науку о религіи.

Изъ лекцій проф. К. П. Тиле.

Предлагаемый нами въ переводѣ съ англійскаго трудъ профессора Лейденскаго университета К. П. Тиле: „Введение въ науку о религіи“ представляетъ публичныя „Гиффордскія лекціи“ (The Gifford Lectures), читанныя имъ въ Единбургскомъ университетѣ по приглашенію университетскаго Совѣта.

Гиффордскія лекціи, читаемыя ежегодно въ четырехъ шотландскихъ университетахъ (Единбургскомъ, Глазговскомъ, Абердинскомъ и Сентъ-Андрюзскомъ), имѣютъ своимъ спеціальнымъ назначеніемъ, согласно волѣ ихъ учредителя, лорда Гиффорда,—служить научной разработкѣ „естественнаго богословія“. Подъ этимъ устарѣвшимъ теперь терминомъ учредитель лекцій, какъ замѣчаетъ проф. Тиле въ предисловіи къ изданію своихъ лекцій, разумѣлъ „то же самое, что мы называемъ въ настоящее время наукой о религіи“. Учредитель опредѣленно заявляетъ, что „избираемые лекторы не должны подвергаться никакому испытанію въ ихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, что они не обязываются заявлять о своемъ исповѣданіи и могутъ принадлежать къ какой угодно церкви; требуется только, чтобы это были трезвые, достойные уваженія люди, истинные мыслители, и серьезные искатели истины. При этомъ онъ желаетъ, чтобы лекторы трактовали свой предметъ „какъ строго естественную науку, — не опираясь и не основываясь на предположеніи какого-нибудь особеннаго или такъ называемаго чудеснаго откровенія“.

Лекціи профессора Тиле, читанныя по обычаю въ теченіе двухъ лѣтъ, были приняты шотландскою публикой, какъ заявляетъ самъ лекторъ, съ самымъ живымъ и неослабнымъ интересомъ. Такому успѣху содѣйствовало не только извѣст-

ное имя лектора, зарекомендовавшего себя выдающимися трудами по сравнительному изучению истории религий, но еще в большей степени самый выбор предмета и общедоступный характер изложения. Голландский ученый задался целью дать в своих лекциях „Введение в науку о религии“ и изложил предмет применительно к уровню понимания не тѣснаго кружка ученыхъ специалистовъ или подготовленныхъ студентовъ, а широкаго круга интеллигентной публики, изъ каковой состояла его аудитория.

Объ серіи лекцій, читанная въ ноябрѣ—декабрѣ 1896 и 1898 гг., изданы были подъ общимъ названіемъ „Elements of the Science of Religion“,—первая часть—„Morphological“ въ 1897 году, вторая—„Ontological“ въ 1899 году. Почти одновременно вышло изданіе лекцій и на родномъ языкѣ автора. Въ 1899 и 1901 гг. явился авторизованный переводъ ихъ на нѣмецкомъ языкѣ подъ названіемъ „Einleitung in die Religionswissenschaft“. Появленіе этого послѣдняго—лучшій показатель достоинства книги лейденскаго ученаго. „Мы,—говоритъ нѣмецкій переводчикъ въ своемъ предисловіи къ изданію,—вообще имѣемъ очень мало книгъ, которыя дѣйствительно могли бы вводить въ изученіе истории и философіи религій, и во всякомъ случаѣ не имѣемъ ни одной, которая въ такой простой, сжатой и отчетливой формѣ, свободной отъ всякой философской или псевдо-философской фразеологіи, удовлетворяла бы данной задачѣ“¹⁾. Русскій переводчикъ можетъ только повторить, — и безспорно, съ гораздо большимъ правомъ, — слова нѣмецкаго. Предложить нашимъ богословамъ и всѣмъ любителямъ богословской литературы переводъ этого выдающагося произведенія считаемъ тѣмъ болѣе полезнымъ дѣломъ, что чисто научная разработка предмета привела почтеннаго голландскаго ученаго къ тому лишь свѣтлому убѣжденію, что „между чистой наукой и истинной религіей не можетъ быть ничего, кромѣ совершенной и постоянной гармоніи“.

Настоящій переводъ сдѣланъ съ англійскаго, просмотрѣннаго самимъ авторомъ, изданія и воспроизводитъ оригиналъ съ возможной близостью, допуская самыя незначительныя отступленія лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ.

Январь 1903 г.

П. Л.

¹⁾ Einleitung in d. RW. S. VIII.

Понятіе, цѣль и методъ науки о религіи.

Болѣе двадцати пяти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мой высокочтимый другъ, оксфордскій профессоръ, Ф. Максъ Мюллеръ, прочелъ свои четыре лекціи въ Лондонскомъ Королевскомъ Институтѣ, которыя онъ нѣсколько лѣтъ спустя издалъ подъ названіемъ: *Introduction to the Science of Religion*.

Я имѣю въ виду такую же цѣль, но въ то же время и совершенно отличную. Слово «*Introduction*» имѣетъ весьма растяжимый смыслъ. *Intro* значить не только «до», но и «чрезъ и за» порогъ. Сначала, однако, мы можемъ удовольствоваться и тѣмъ, если только введемъ изслѣдователя въ зданіе и тамъ предоставимъ его руководству другихъ или его собственной сообразительности. Это и было все, чтò могъ сдѣлать въ свое время профессоръ Максъ Мюллеръ. Другого выбора у него не было. Основаніе этой новой науки тогда было только что заложено, и онъ не могъ представить своимъ слушателямъ и читателямъ ничего другого, кромѣ только плана зданія. Какъ много онъ самъ впоследствии потрудился надъ созданіемъ нашей науки, объ этомъ едвали нужно напоминать вамъ; его Оксфордскія лекціи, читанныя недавно въ Глазговскомъ университетѣ, представляютъ тому послѣднее и убѣдительнѣйшее доказательство. Мы должны искренно цѣнить его труды, хотя бы иногда и расходились съ нимъ въ методѣ и точкѣ зрѣнія. Двадцать пять лѣтъ назадъ, однако, его *Introduction of the Science of Religion* для его слушателей и читателей по необходимости должно было заниматься больше прелиминарными вопросами, чѣмъ результатами науки, и было скорѣе апологіей послѣдней, чѣмъ введеніемъ въ нее. Въ настоящее время мы двинулись значительно дальше. Послѣднія двадцать пять лѣтъ были особенно плодотворны для науки о религіи. Теперь она окончателно завоевала себѣ мѣсто среди различныхъ наукъ человѣческаго духа. Намъ нѣтъ уже теперь нужды извиняться за нашу науку робкимъ — не долженъ ли я сказать скепти-

чекимъ? — эпитетомъ «такъ называемая», какъ то сдѣлалъ извѣстный американскій ученый, недавно умершій W. Dwight Whitney, въ своей прекрасной въ другихъ отношеніяхъ статьѣ. Даже правительства, которыя вообще не склонны покровительствовать нововведеніямъ, въ особенности если они грозятъ обремененіемъ ихъ бюджету, признали нашу науку необходимой отраслью образованія. Моя родина—маленькая Голландія, привыкшая по большей части терпѣливо дожидаться, чтобы примѣры показали ея старшія сестры, пошла на этотъ разъ впереди ихъ и учредила спеціальныя каѳедры по исторіи и философіи религій. Республиканская Франція поступила по княжески и основала не только каѳедру въ Collège de France, но и прекрасно организованную École d'Études religieuses. Другіе послѣдовали этимъ примѣрамъ. Нѣмецкіе университеты сначала взглянули на аспиранта неблагосклоннымъ взоромъ, но выдающіеся германскіе ученые скоро замѣтили, что гадкій, повидимому, утенокъ на самомъ дѣлѣ есть лебедь, и оказали ему сильную поддержку. Что новая наука сразу же возбудила живой интересъ въ Великобританіи, и нѣсколько позже въ С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, — объ этомъ мнѣ нѣтъ нужды и напоминать вамъ: завѣщаніе лорда Гифорда представляетъ тому блестящее доказательство. Несомнѣнно, что подъ «естественнымъ богословіемъ, изучаемымъ по научному методу», онъ разумѣлъ именно то, что мы привыкли теперь называть наукой о религій. Последняя, поэтому, не нуждается ни въ какой дальнѣйшей апологій, являясь предъ вами съ полнымъ сознаніемъ своихъ правъ; равнымъ образомъ и мнѣ нѣтъ нужды извиняться, если я осмѣливаюсь ближе ознакомить васъ съ ея принципами, ея методомъ, съ добытыми ею результатами, съ ея цѣлью и ея значеніемъ. Конечно, я очень хорошо сознаю трудность моея обширной задачи; но я посвятилъ всѣ свои силы и большую часть своей жизни этимъ излюбленнымъ моимъ занятіямъ и нахожу ободреніе въ томъ довѣрїи, какое оказалъ мнѣ высокочтимый Совѣтъ этого университета. Я всѣми силами постараюсь заслужить это довѣріе, и смѣю рассчитывать на ваше снисхожденіе. Я хотѣлъ бы еще только замѣтить, что буду держаться исключительно научной почвы. И хотя я не буду скрывать моихъ собственныхъ убѣжденій, я имѣю однако слишкомъ много уваженія къ истинному благочестію въ какой бы то ни было формѣ, чтобы оскорблять чьи-нибудь убѣжденія совѣсти.

Прежде всего, необходимо установить, что мы разумѣемъ подъ наукой о религіи и какое имѣемъ мы право называть ее наукой. Мы не будемъ начинать,—какъ то часто дѣлается,—съ опредѣленія заранѣе составленнаго идеала религіи; если бы мы поступили такимъ образомъ, то очутились бы въ кругѣ. Что такое представляетъ дѣйствительно религія въ своемъ существѣ, это можетъ быть установлено только какъ результатъ всего нашего изслѣдованія. Подъ религіей мы не разумѣемъ въ настоящемъ случаѣ ничего иного, кромѣ того, что разумѣется подъ этимъ терминомъ обычно,—т. е. сумму всѣхъ тѣхъ явленій, которыя неизмѣнно называются религіозными, въ отличіе отъ этическихъ, эстетическихъ, политическихъ и другихъ. Я имѣю въ виду тѣ обнаруженія человѣческаго духа въ словахъ, дѣйствіяхъ, обычаяхъ и учрежденіяхъ, которыя свидѣтельствуютъ о вѣрѣ чловѣка въ нечто сверхчеловѣческое и служатъ для того, чтобы поставить его въ отношеніе къ этому послѣднему. Наше изслѣдованіе само должно открыть основаніе этихъ явленій, называемыхъ обычно религіозными. Если намъ скажутъ, что сверхчеловѣческое лежитъ за предѣлами нашего воспріятія, и что его существованіе не можетъ быть доказано научными или философскими доводами, то у насъ отвѣтъ готовъ. Вопросъ о томъ, имѣетъ ли право философія или метафизика судить о реальности объектовъ вѣры, насъ здѣсь не касается. Поэтому мы оставляемъ вопросъ открытымъ. Предметомъ нашей науки является не само сверхчеловѣческое, а религія, основанная на вѣрѣ въ сверхчеловѣческое; и задача изслѣдованія религіи, какъ явленія историко-психологическаго, соціальнаго, и, слѣдовательно, чисто человѣческаго, безусловно принадлежитъ къ области науки.

Вполнѣ соглашаясь съ этимъ, многіе, однако, чувствовали ненормальное отвращеніе къ самому термину «наука о религіи» и пытались замѣнить его какимъ-нибудь болѣе скромнымъ названіемъ. Что касается меня, то я не вижу ничего надменнаго въ словѣ наука. Оно не значитъ, что мы знаемъ все относительно даннаго предмета, а значитъ просто лишь то, что мы изслѣдуемъ его, съ цѣлью узнать что-нибудь о немъ, пользуясь тѣмъ же здравымъ и критическимъ методомъ, который примѣняется во всякой другой области. Что такое изслѣдованіе религіи можетъ претендовать на званіе науки, и что наука о религіи имѣетъ право занять мѣсто въ качествѣ самостоятельной дисциплины, а не въ качествѣ только частной дисциплины

въ известной группѣ, — въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Что же, спрашивается теперь, служить признаками, опредѣляющими науку? На этотъ вопросъ я не могу лучше отвѣтить, какъ словами, которыя сказалъ Whitney, защищая права науки о языкѣ. Такими признаками служатъ: достаточная широта области, единство, которое обнимаетъ собою множество фактовъ, принадлежащихъ къ этой области, внутренняя связь этихъ фактовъ, которая даетъ намъ возможность подвергнуть ихъ точной классификаціи и извлечь изъ нихъ полезные выводы, и, наконецъ, значительность достигнутыхъ результатовъ и той истины, которую извлекъ разумъ изъ установленныхъ фактовъ. Теперь, если наука о языкѣ въ состояніи выдержать эту пробу и можетъ не бояться сравненія со всякой другой признанной наукой, то то же самое вполне примѣнимо и къ наукѣ о религіи. Полагаю, для этого не требуется пространныхъ доказательствъ. Это очевидно для всякаго. Область нашего изслѣдованія достаточно обширна: всѣ религіи цивилизованнаго и нецивилизованнаго міра, умершія и живыя, и всѣ тѣ религіозныя явленія, которыя представляются нашему наблюденію. Единствомъ, связующимъ множество этихъ явленій, служитъ человѣческій духъ, который нигдѣ не открывается съ такой полнотою, какъ въ этихъ именно явленіяхъ, и обнаруженія котораго, какія бы разнообразныя формы они ни принимали на различныхъ ступеняхъ развитія, всегда вытекаютъ изъ того же самаго источника. Это единство дѣлаетъ научную классификацію религій столь же законной, какъ и классификацію языковъ. Наконецъ, само собою понятно, что результаты такой науки имѣютъ чрезвычайно важное значеніе въ дѣлѣ изученія человѣка и его исторіи, его индивидуальной, социальной, и, болѣе всего, его религіозной жизни.

Нужно ли удивляться тому, что такая наука не сразу получила общее признаніе, что самое право ея на существованіе многими отрицалось, и что она долгое время должна была считаться съ жестокой оппозиціей? Она не счастливѣе своихъ предшественницъ. Какая новая наука—о философіи не будемъ уже и говорить—имѣла когда-нибудь лучшей пріемъ? Назову только анатомію, физику, химію, астрономію—всѣ онѣ провозглашались какъ вредныя, опасныя и печестивыя, и не имѣли ли всѣ онѣ точно также своихъ мучениковъ, какъ и всѣ новыя религіи и ереси? Во времена Эразма монахи считали изученіе еврейскаго языка въ высшей степени гибельнымъ для христиан-

скихъ богослововъ и проповѣдниковъ, а строгіе кальвинисты семнадцатаго столѣтія съ такой же страстностью вооружались противъ изученія греческаго. Какъ привѣтствовали ориенталисты старой школы появленіе ассиріологін, которая на первыхъ порахъ, правда, отчасти заслуживала порицанія за свои юпошескія увлеченія и безразсудства? Какъ приняли классическіе филологи зарождающуюся науку о языкѣ? Я какъ будто еще слышу нашего стараго друга, гениальнаго еллиниста Сobet, какъ онъ потѣшается на счетъ *comparativi*, какъ называлъ онъ новыхъ ученыхъ. Къ тому же религія требуетъ особенно осторожнаго обращенія съ ней. Дѣлать ее предметомъ науки, на взглядъ иныхъ, значить оскорблять святыню. Я допускаю, что многіе изъ борцовъ науки о религіи, какъ и многіе изъ тѣхъ, кто восторженно ее привѣтствовалъ, должны были обвинять самихъ себя за то пегодованіе, какое они возбудили, такъ какъ они были врагами религіи, которые во имя того, что имъ хотѣлось называть наукой и философіей, старались совершенно ее уничтожить, и *Escravez l'infâme* которыхъ пугало людей слабыхъ и возмущало твердыхъ вѣрою. Но слѣпая ненависть и предубѣжденіе несомнѣстимы ни съ наукой, которая все изслѣдуетъ съ спокойнымъ безпристрастіемъ, ни съ философіей, которая старается серьезно и съ любовью понять и изяснить все человѣческое. Мы имѣемъ здѣсь дѣло, слѣдовательно, съ недоразумѣніемъ. Я уже указалъ, что обычный страхъ предъ нашей наукой происходитъ бѣльшей частью отъ превратнаго понятія о наукѣ вообще, и объ этой наукѣ въ особенности. Когда эта послѣдняя держится въ границахъ, назначенныхъ всѣмъ наукамъ, религія не только не подвергнется никакой опасности, а скорѣе получитъ великую пользу. Наша наука не претендуетъ,—и отлично сознаетъ, что она бессильна,—создать религію, точно такъ же, какъ наука о языкѣ не имѣетъ ни желанія, ни силы дать жизнь новымъ языкамъ, объявить новые законы языка, или искоренить существующіе языки. Ни языки, ни религіи не создаются наукой; ихъ жизнь и смерть, ихъ возрастаніе и увяданіе совершаются независимо отъ науки и повинуются законамъ, которые наука можетъ открыть, но не можетъ дать. Все, чего она желаетъ и на что имѣетъ только право, это—подвергнуть религію, какъ человѣческое и потому историческое и психологическое явленіе, безпристрастному изслѣдованію, чтобы узнать, какъ она возникаетъ и растетъ, въ чемъ ея существо, и такимъ образомъ вполне понять ее.

Кто-нибудь, можетъ быть, скажетъ, что занимающемуся нашей наукой нельзя запретить критиковать и судить, и что здѣсь-то именно и заключается ея опасность. Но и въ данномъ случаѣ мы опять должны строго различать смыслъ словъ. Ученый судить, поскольку ставить своей задачей сравнить различныя обнаруженія религіозной вѣры и жизни, равно какъ и различныя религіозныя общества, чтобы затѣмъ классифицировать ихъ соотвѣтственно степени и направленію ихъ развитія. Онъ критикуетъ, поскольку онъ указываетъ, гдѣ совершалось возвратное движеніе отъ высшей степени къ низшей, поскольку онъ изслѣдуетъ мнимо религіозныя факты, которые въ дѣйствительности принадлежать къ совершенно другой области (напр. къ области искусства, философіи, политики), равно какъ явленія патологическія (вродѣ интеллектуализма, сентиментализма, морализма), и отличаетъ всѣ эти явленія отъ здоровой и живой религіи. Онъ занимаетъ,—употребляя излюбленное философское выраженіе,—совершенно объективное положеніе относительно всѣхъ *формъ* религіи, но тщательно отличаетъ ихъ отъ самой религіи. Религія проявляется болѣе или менѣе совершенно въ каждой изъ этихъ формъ, — и потому онъ изучаетъ ихъ всѣ. Нѣтъ ни одной религіи, которая была бы недостойна его вниманія; напротивъ, чѣмъ глубже онъ спускается, тѣмъ ближе подходитъ къ источнику религіи. Онъ слѣдуетъ примѣру филолога, который не относится съ презрѣніемъ къ языку млечховъ¹⁾ или варваровъ, или какимъ бы другимъ обиднымъ именемъ ни называли народъ, говорящій на непонятномъ для другихъ языкѣ, а находитъ одинаковый интересъ какъ въ діалектахъ готтентотовъ или австралійцевъ, такъ и въ языкахъ санскритскомъ или арабскомъ. Такъ точно и онъ ничего не знаетъ объ еретикахъ, схизматикахъ, язычникахъ; для него, какъ чловѣка науки, всѣ религіозныя формы суть просто лишь объекты изслѣдованія, различные языки, въ которыхъ выражается религіозный духъ, пути и средства, которые даютъ ему возможность дойти до познанія самой религіи, стоящей выше всѣхъ этихъ формъ. Защищать какую-нибудь изъ этихъ формъ какъ наилучшую, или единственно, можетъ быть,

¹⁾ Именемъ „млечха“ называли первые арійскіе переселенцы въ Индію аборигеновъ страны. Въ настоящее время этотъ терминъ означаетъ всякаго не-индуса и равносильнъ греч. *варваръ*, восточн. *франкъ*, *гяуръ*.
Прим. перев.

истинную,—это не его призваніе; онъ предоставляетъ дѣлать это апологетами. Равнымъ образомъ онъ не имѣетъ въ виду и очищать, реформировать или развивать саму религію; это задача богослововъ и пророковъ. Конечно, и это научное изслѣдованіе не остается безъ практической пользы. Оно можетъ показать превосходство одной религіи надъ другою; оно можетъ оказать сильное вліяніе на очищеніе и развитіе самой религіи; оно можетъ путемъ указанія того, какъ религія коренится въ самыхъ глубинахъ человѣческой природы, защитить ея право на существованіе гораздо лучше, чѣмъ всякое пространное философское доказательство; и такое оправданіе тѣмъ болѣе дѣбно, что оно получается безъ исканія, безъ предвзятой мысли, непредназначенно. Ибо цѣль науки о религіи состоитъ не въ этомъ, и даже не можетъ состоять въ этомъ. Если бы она поставила себѣ такую практическую цѣль, то вся польза, которую она теперь доставляетъ для практики, для религіозной мысли и жизни, утратила бы свою цѣбу. Настоящая наука, которая не ищетъ ничего кромѣ истины, есть свѣтъ, при которомъ истина становится очевидной; и все, что хорошо и истинно, чисто и прекрасно, что удовлетворяетъ дѣйствительнымъ потребностямъ и потому благотворно для человѣчества, никогда не должно, слѣдовательно, бояться этого свѣта. Права религіозной совѣсти не должны быть ограничиваемы; но и наука отстаиваетъ свое право простирать свое изслѣдованіе на все, что свойственно человѣку, а слѣдовательно, и на такое важное и мощное обнаруженіе духовной природы человѣка, какимъ всегда была и всегда будетъ религія.

Надо признать совершенно ошибочнымъ мнѣніе, будто нельзя стоять на такой безпристрастной научной точкѣ зрѣнія, не будучи скептикомъ; будто человѣкъ уже не способенъ къ безпристрастному изслѣдованію, если онъ имѣетъ собственныя твердыя, серьезныя религіозныя убѣжденія; будто онъ не въ состояніи принадлежащему оцѣнить другія формы религіи, если питаетъ теплую любовь къ той церкви, въ которой онъ воспитанъ. Меньше ли любимъ мы нашихъ родителей, которымъ столь многимъ обязаны, потому, что въ зрѣлыхъ годахъ открываемъ въ нихъ нѣкоторые недостатки и слабости? Звукъ родного языка будутъ ли звучать для нашего уха менѣе пріятно въ силу того, что мы научились понимать красоту и силу другихъ языковъ? Я, по крайней мѣрѣ, люблю ту церковь, къ которой принадлежу, несколько не менѣе отъ того, что ста-

раюсь цѣлнть, при свѣтѣ нашей науки, все, что есть истинно религіознаго и въ другихъ формахъ.

На новую науку смотреть подозрительно еще и съ другой стороны. Старая теологія боится, чтобы наша наука не стала пытаться занять ея мѣсто. Разсмотримъ вопросъ съ двухъ возможныхъ точекъ зрѣнія. Мы можемъ понимать выраженіе «наука о религіи» въ болѣе широкомъ или болѣе узкомъ смыслѣ. Если мы будемъ видѣть ея назначеніе въ томъ, чтобы объединить все науки, которыя имѣютъ своимъ предметомъ изслѣдованіе религіи и, следовательно, включаютъ уже и христіанскую теологію (за исключеніемъ всегда практическаго богословія, которое, какъ теорія практики, не можетъ называться въ собственномъ смыслѣ наукой), тогда она отнюдь не упразднить теологіи, а приметъ ее въ свой составъ, и, хотя до сихъ поръ теологія считала себя совершенно независимой, сдѣлаетъ ее только одной изъ провинцій, хотя и главнѣйшей, въ своей обширной области. Само по себѣ это вполне допустимо и представляется совершенно логичнымъ, но на практикѣ было бы совсѣмъ неудобно и только вредило бы обѣимъ отраслямъ науки. Причина въ данномъ случаѣ заключается не въ томъ только, что мы едва ли можемъ смотрѣть на знаніе своей собственной религіи, какова бы она ни была, какъ на одинъ только изъ отдѣловъ науки, обнимающей все религіи. — подобно тому какъ мы не можемъ трактовать отечественную исторію въ качествѣ лишь одной изъ главъ общей исторіи, или ставить изученіе роднаго языка на одинъ уровень съ изученіемъ другихъ, хотя бы и столь же богатыхъ языковъ міра. Причина въ томъ, что между богословіемъ и наукой о религіи существуетъ родовое различіе. Теологіи существуетъ столько же, сколько существуетъ этическихъ или, — по признанію ихъ неовѣдннковъ, — откровенныхъ религій; но есть только одна наука о религіи, хотя и она, подобно другимъ наукамъ, и даже всякой спеціальной теологіи, имѣетъ различныя школы. Дѣло науки о религіи — изслѣдовать и объяснить; она хочетъ знать, что такое религія и почему мы религіозны; задача теологіи — изучать, изъяснять, защищать и, если возможно, очищать данную только форму религіи, изслѣдуя ея древнѣйшіе памятники, реформируя и согласуя ее съ новыми потребностями, и такимъ образомъ содѣйствуя дальнѣйшему ея развитію.

Ноясію опять мою мысль примѣромъ науки о языкѣ. Из-

вѣстно, что спеціальныя лингвистическія дисциплины и филологія сохраняютъ въ отношеніи къ этой наукѣ до нѣкоторой степени независимое положеніе, имѣютъ свои собственные методы и цѣли. Можно даже пойти еще дальше и различать общее и историческое изученіе религіи, которое наблюдаетъ, собираетъ, комбинируетъ, сравниваетъ, классифицируетъ факты, слѣдя ихъ въ порядкѣ ихъ развитія, равно какъ и все спеціальныя теологіи, отъ науки о религіи, которая основывается на результатахъ этихъ изслѣдованій и съ помощію ихъ старается опредѣлить, что такое представляетъ религія, обнаруживающаяся во всехъ этихъ явленіяхъ, по своему существу, и откуда она происходитъ. Подобно тому какъ наука о языкѣ не отрицаетъ самостоятельности грамматическихъ, лексикографическихъ и филологическихъ дисциплинъ, такъ и наука о религіи признаетъ независимость спеціальныхъ отраслей, доставляющихъ ей матеріалы для ея умозрѣній, равно какъ и независимость богословія, образуя сама ихъ вершину, или лучше сказать центръ, къ которому все онѣ стремятся.

Какъ бы, однако, самостоятельны ни были эти двѣ отрасли знанія каждая въ собственной своей области, онѣ не могутъ оставаться независимыми другъ отъ друга безъ существеннаго вреда для обѣихъ. Одна не можетъ существовать безъ другой. Не можетъ наша наука, потому что безъ матеріала, доставляемаго антропологіей и исторіей, она не могла бы сдѣлать ничего болѣе, какъ только выстроить красивое зданіе изъ простыхъ гипотезъ и фантазій, т. е. заняться той не совсѣмъ безопасной игрой, которою услаждались въ старое время представители спекулятивной философіи. Равнымъ образомъ и одна теологія,—сравнительная ли, или спеціальная,—не можетъ существовать, потому что теологія только въ томъ случаѣ заслуживаетъ названіе науки и изъ простой только *eruditio* становится *scientia*, когда она остается въ постоянномъ соприкосновеніи съ наукой о религіи. Факты, установленные тщательнымъ наблюденіемъ и вѣрно переданные, могутъ быть очень интересными; но если они не объяснены и не поставлены въ соотношеніе, они остаются не болѣе, какъ интересными только фактами. Теологія учитъ о томъ, въ чемъ состоитъ извѣстная религія, чего требуетъ она отъ своихъ послѣдователей, какъ она возникла и достигла своего настоящаго положенія, чѣмъ, наконецъ, она дѣйствительно должна быть согласно своимъ принципамъ; но если она не сравнитъ данной религіозной

системы съ другими и, главнѣе всего, не оцѣнить ее по законамъ развитія религіозной жизни, каковыя можетъ открыть только одна наука о религіи, она будетъ не въ состояніи ни исполнѣ понять, ни принадлежащему оцѣнить своей собственной религіи. Она можетъ быть въ такомъ случаѣ отраслью знанія, небезполезной для практическихъ цѣлей, но не будетъ наукой.

Это отнюдь не значитъ, что наука о религіи навязываетъ подготовительнымъ дисциплинамъ свои законы, или что она предписываетъ имъ результаты ихъ изслѣдованій. Напротивъ, она предоставляетъ имъ полную свободу дѣйствія и просто лишь дожидается ихъ результатовъ. Она принимаетъ послѣдніе, сохраняя всегда за собою право подвергать ихъ оцѣнкѣ и изслѣдовать основаніе, на которомъ они опираются, и затѣмъ пользуется ими по собственному усмотрѣнію. Но она указываетъ направленіе, по которому должно идти изслѣдованіе, чтобы быть плодотворнымъ для науки. Она зажигаетъ свѣтъ, который даетъ возможность историкамъ и богословамъ яснѣе замѣтить и лучше понять тѣ факты, съ которыми они имѣютъ дѣло. Въ свою очередь она передаетъ результатъ своего собственного изученія центральной наукѣ—общей философіи, которая стремится объяснить единство всего мірозданія.

Этимъ самымъ мы опредѣлили уже и характеръ нашей науки. Она представляетъ специальную науку или отрасль вѣдѣній, и, слѣдовательно, не принадлежитъ къ общей философіи; но она является философскою частью изслѣдованія религіозныхъ явленій, наукой, которая стремится проникнуть въ ихъ основаніе. Она не есть философское вѣроученіе, или догматическая система того, что обычно называется естественнымъ богословіемъ, или философія съ религіозной окраской, и менѣе всего—философія относительно Самого Бога. Все это лежитъ за предѣлами ея области. Все это она оставляетъ теологамъ и метафизикамъ. Она является въ буквальномъ смыслѣ философіею религіи, согласно настоящему, все болѣе и болѣе заслуживающему признаніе, употребленію этого слова: философіею, которую мы должны имѣть смѣлость реформировать соотвѣтственно требованіямъ науки въ настоящей ступени ея развитія.

Вотъ почему я не могу причислять ее къ естественнымъ наукамъ, какъ бы ни высокъ былъ авторитетъ тѣхъ, кто усвоилъ ей такое положеніе. Въ такомъ случаѣ мы должны были бы расширить понятіе о естественной наукѣ до такой степени,

что лишили бы его всякаго точнаго значенія. Религія несо-
мѣнно коренится въ природѣ челоуѣка, и исходитъ изъ глубо-
чайшихъ основъ его духа. Но мы можемъ справедливо сказать
относительно религіи, какъ то сказано было и относительно
языка, что она не есть ни всецѣлю естественный, ни искус-
ственный продуктъ. Прилагать къ нашей наукѣ точные методы
естественныхъ наукъ было бы тщетной попыткой: дѣлать такую
попытку значило бы только поддаваться самообману и обре-
кать себя на горькую неудачу.

Наша наука не есть и наука историческая въ обычномъ
смыслѣ слова. Значительную часть матеріала, которымъ она
занимается, даетъ исторія, поскольку она должна стараться по-
нять религію, какъ она существуетъ теперь, чрезъ изученіе того,
чѣмъ она была раньше. Мы скоро увидимъ, что первая ея за-
дача состоитъ въ томъ, чтобы прослѣдить развитіе религіи; а
что этого нельзя сдѣлать безъ историческаго изслѣдованія, объ
этомъ не требуется и говорить. Давно уже прошло то время,
когда воображали, что можно философствовать о религіи, со-
вершенно не заботясь объ ея исторіи. Отношеніе между фило-
софіей и исторіей религіи прекрасно было объяснено нѣсколь-
ко лѣтъ тому назадъ въ этомъ же самомъ Единбургѣ John Caird'омъ
въ его послѣднихъ Croall Lectures¹⁾. Въ Германіи, родинѣ
умозрительной философіи, уже Гегель по своему старался сдѣ-
лать исторію религіи служанкой философіи, хотя естественно
могъ имѣть въ своемъ распоряженіи весьма лишь скудный ма-
теріалъ. Съ болѣе обширнымъ матеріаломъ подъ рукою, по-
строилъ свою философію религіи на исторической основѣ
Pfeiderer. Съ какою силой указывать на важность и значи-
мость безусловную необходимость историческаго изученія ре-
лигіи профессоръ Максъ Мюллеръ въ своихъ недавнихъ Gifford
Lectures, объ этомъ нѣтъ нужды и напоминать вамъ. Я меньше
кого бы то ни было могъ бы оспаривать это, потому что въ
такомъ случаѣ я долженъ былъ бы отречься отъ всего своего
прошедшаго. Я занимался историческими изслѣдованіями болѣе,
чѣмъ какъ-либо другими, и всѣ наиболѣе значительные труды,
изданные мною, были историческаго характера. Мой покойный
другъ Куененъ любилъ говорить: «Я ничто, если я не критикъ». Про
себя я осмѣлился бы сказать: «Я ничто, если не исто-
рикъ». Тѣмъ не менѣе я держусь того убѣжденія, что наука о

¹⁾ Introduction to the Philosophy of Religion, Glasgow, 1880, chap. X.

религіи требуетъ болѣе широкаго основанія, чѣмъ исторія въ обычномъ смыслѣ слова. Историческое изслѣдованіе должно предшествовать и пролагать путь для нашей науки, но оно не принадлежитъ къ ней. Если бы я точно описалъ все существующія религіи, ихъ доктрины, миры, обычаи, обряды и учрежденія, ихъ общественную организацію, показавъ на ряду съ этимъ начало этихъ различныхъ формъ религіи, ихъ процвѣтаніе и упадокъ, то я собралъ бы только матеріалъ, съ которымъ имѣетъ дѣло наука о религіи. И какъ ни необходимо все это,—но этого еще не достаточно. Антропология или наука о человѣкѣ, социология или наука о нашихъ социальныхъ отношеніяхъ, психология или наука о внутренней природѣ человѣка, и, можетъ быть, еще другія науки должны сдѣлать свои вклады и помочь намъ изучить истинную природу и происхожденіе религіи, и такимъ образомъ достигъ нашей цѣли.

Я сказалъ, что точный методъ естественной науки не приложимъ къ наукѣ о религіи; равнымъ образомъ я не думаю, чтобы достаточно былъ и историческій методъ. Я вношѣ согласенъ съ профессоромъ Flint'омъ, что историческимъ методомъ мы получаемъ только исторію. Но мы хотимъ большаго.—мы желаемъ понять и объяснить. Строгіе историки не имѣютъ никакого права смѣяться надъ тѣмъ, что называется философскою исторіей, какъ они очень любятъ дѣлать: но они правы, утверждая, что это собственно не исторія, а глава философіи, и они совершенно въ правѣ отвергать всякое обязательство присоединять еще философское умозрѣніе къ тому, что мы отъ нихъ требуемъ.

Итакъ, я думаю, что мы безъ всякихъ колебаній открыто можемъ признать философскій характеръ нашей науки, и примѣнить къ ней тотъ самый методъ, который приложимъ ко всемъ философскимъ отраслямъ вѣдѣнія—именно дедуктивный. Не односторонній эмпирический методъ, который достигаетъ своей кульминаціонной точки въ позитивизмѣ и только устанавливаетъ и классифицируетъ факты, но оказывается бессильнымъ объяснить ихъ. И не односторонній историческій методъ, который даетъ исключительно лишь историческіе результаты. Равнымъ образомъ и не методъ такъ называемый генетическо-спекулятивный,—смѣсь исторіи съ философіей, который лишень всякаго единства. Еще менѣе,—сильшу добавить,—извращенный спекулятивный методъ, который не имѣетъ никакой почвы подъ ногами, а плаваетъ въ облакахъ. Когда я говорю о дедуктив-

номъ методѣ, я меньше всего разумѣю этотъ спекулятивный методъ. Напротивъ, наше дедуктивное разсужденіе должно отправляться отъ результатовъ, добытыхъ индукціей, эмпирическимъ, историческимъ и сравнительнымъ методами. Что такое религія, откуда она возникаетъ, это мы можемъ установить только на основаніи религіозныхъ явленій. Наша внутренняя природа можетъ быть познана только изъ ея виѣшнихъ обнаруженій. Удаляться въ нашихъ умозрѣніяхъ отъ того, что открыто и установлено антропологическимъ и историческимъ изслѣдованіемъ, значить вступать на ложный путь. Отправляться отъ какого-нибудь положенія *a priori* и на немъ воздвигать систему, значило бы тратить понапрасну время и ни къ чему не придти. Конечно, должно быть раздѣленіе труда. Никто изъ васъ не можетъ сдѣлать всего. Едва ли кто-нибудь можетъ быть заразъ и антропологомъ, и историкомъ, и психологомъ, и философомъ. Даже въ области спеціальной науки найдется весьма немногихъ людей, которые вполнѣ знали бы свой предметъ. Но кто хочетъ заниматься наукой о религіи, тотъ долженъ обозрѣть всю область и искрестить ее по всѣмъ направленіямъ: онъ долженъ знать, что дано для исторіи религіи изслѣдованія антропологовъ и историковъ и открытія археологическія, что представляется только вѣроятнымъ, что еще сомнительнымъ или положителью ложнымъ. Словомъ, онъ долженъ быть господиномъ матеріала, надъ которымъ онъ будетъ работать, хотя этотъ матеріалъ и нашли для него другіе. Кромѣ того, не только желателью, но—по моему мнѣнію—даже необходимо, чтобы онъ самъ принялъ участіе, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, въ изслѣдованіи и расчисткѣ почвы, и изучилъ по крайней мѣрѣ хоть двѣ религіи по ихъ первоисточникамъ. Это, конечно, долгій путь, но—единственный путь, чтобы достичь прочныхъ результатовъ. Часто думаютъ, что можно удовольствоваться и гораздо меньшимъ. Въ настоящее время вѣроятно уже не найдется никого, кто осмѣлился бы создать систему изъ одного только поэтическаго воображенія. Но есть не мало людей, которые воображаютъ, что достаточно лишь познакомиться съ лучшими авторитетами,—или даже съ тѣми, кого только считают за лучшіе, между тѣмъ какъ они часто совсѣмъ не заслуживаютъ довѣрія,—путемъ чтенія такихъ книгъ пріобрѣсти нѣкоторое понятіе о религіи и, такимъ образомъ, положить основаніе, на которомъ можно уже и строить. Другіе, еще болѣе легкомысленно, обращиваются изученіемъ просто лишь одного

руководства по исторіи религій и потому серьезно думаютъ, что ихъ философія стоитъ на исторической почвѣ. Мало того, я знаю даже такой случай, когда авторъ философіи религій «auf modern-wissenschaftlicher Grundlage» не познакомился ни съ одной исторіей религій, кромѣ моего очерка, издавнаго много лѣтъ тому назадъ, который представляетъ лишь простой набросокъ безъ свѣта и тѣней, во всякомъ случаѣ безъ окраски, по потому-то именно и давалъ полнѣйшій просторъ для воображенія философа. Какъ ни лестно для меня, что этотъ авторъ выбралъ именно меня въ качествѣ своего руководителя, но онъ поступилъ бы разумнѣе, если бы послушалъ указаній и другихъ, а прежде всего воспользовался бы своими собственными глазами. Можемъ ли мы удивляться, когда человѣкъ ограничивается такой поверхностной подготовкой, что его легкое, воздушное сооруженіе быстро замѣняется другимъ, и что каждый новый шагъ, сдѣланный въ изслѣдованіи, каждое новое открытіе дѣлаетъ его трудъ все болѣе и болѣе бесполезнымъ? Можно ли удивляться, что многіе почтенные труды какъ по морфологій, такъ и по онтологій религій, или, другими словами, занимающіеся вопросомъ о развитіи или о происхожденіи и существѣ религій, не смотря на всю глубину и смѣлость ихъ замысла, не смотря на ихъ остроумную композицію, все-таки оставляютъ насъ безъ удовлетворенія, такъ какъ въ нашей памяти встаютъ важные факты, которыхъ нашъ авторъ не объясняетъ, и которые даже противорѣчатъ его заключеніямъ? Правда, не всегда возможно, и потому не обязательно, искать и собирать матеріалъ для нашихъ построекъ самимъ; но во всякомъ случаѣ мы должны уметь цѣнить его, и самъ онъ долженъ быть проченъ и достаточенъ.

Теперь вопросъ въ томъ, какъ намъ обращаться съ нашимъ матеріаломъ и какъ можно воспользоваться имъ для великой цѣли нашей науки—для изученія религій въ ея жизни и ростѣ, въ ея природѣ и происхожденіи. Предъ нами стоитъ безчисленное множество явленій: религіозныя понятія и ученія, которыя должны быть извлечены изъ гимновъ и изреченій, изъ книгъ закона и исповѣданій вѣры, изъ рѣчей проповѣдниковъ и пророковъ; религіозныя обряды и учрежденія, изъ которыхъ состоитъ культъ и въ которыхъ благочестивый человѣкъ выражаетъ свое чувство къ Божеству; религіозныя общества всѣхъ родовъ, какъ находящіяся въ союзѣ съ государствомъ, такъ и болѣе или менѣе независимыя отъ него; великая и величествен-

ная церковь съ единымъ видимымъ главою, распространенная по всему міру, и однако единая въ немъ, единая въ священномъ языкѣ, обрядѣ и ученіи; дагѣе, кромѣ ея восточной соперницы, нѣсколько протестантскихъ церквей, большей частью національныхъ, весьма различающихся въ ученіи и міровоззрѣніи, равно какъ и въ формѣ управленія; еще дагѣе, разнообразныя секты—небольшія, но часто очень вліятельныя: ордена, дѣйствующіе тайно, но тѣмъ болѣе могущественныя; партіи и школы, находящіяся въ борьбѣ другъ съ другомъ, откуда порою возникаютъ новыя церковныя общины.—не отмѣчаемъ многихъ другихъ явленій, болѣе удаленныхъ отъ круга нашего наблюденія. При такомъ богатствѣ матеріала, можемъ даже смущать, послѣдній долженъ быть тщательно просѣянъ и классифицированъ. Что годится и что нѣтъ? Гдѣ мы найдемъ больше всего свѣту? Что представляетъ наилучшій матеріаль для нашей постройки?

При отвѣтѣ на эти вопросы мнѣнія расходятся. Нѣкоторые думаютъ, что природа религіи лучше всего можетъ быть познана изъ міѳологіи и ученія, и что изслѣдователь долженъ поэтому направить свое вниманіе главнымъ образомъ, хотя и не исключительно, именно сюда. Другіе защищаютъ тотъ взглядъ, что существо религіи нужно искать въ церкви, ея учрежденіяхъ и ритуалѣ, что на догматы нужно смотрѣть только какъ на средство единенія и религіознаго воспитанія. Третьи, хотя не безусловно соглашаются съ этими послѣдними, думаютъ, что изученіе культа, традиціонныхъ обрядовъ и обычаевъ,—именно потому, что они долѣе всего остаются въ силѣ и неизмѣнными,—приводитъ насъ ближе къ древнѣйшей религіи и началу развитія, чѣмъ ученіе, которое постоянно измѣняется.

Къ какой изъ этихъ сторонъ я долженъ присоединиться, для меня нѣтъ и колебаній въ этомъ вопросѣ. Строго говоря, ни къ одной изъ нихъ. Я держусь того мнѣнія, что мы не должны пренебрегать ничѣмъ, а относиться съ полнымъ вниманіемъ ко всему, что можетъ проливать свѣтъ на предметъ. Но если бы мнѣ нужно было сдѣлать выборъ, я безъ всякихъ колебаній присоединился бы къ защитникамъ перваго мнѣнія. Я точно также вижу главный источникъ всякой религіи въ ея ученіи, какова бы ни была его форма—міѳологическая ли и поэтическая, или догматическая и философская. Самое главное въ религіи безспорно представляетъ ея духъ; однако именно ученіе даетъ намъ больше всего свѣту. Изъ него одного только

мы узнаемъ, что думаетъ человѣкъ о своемъ Богѣ и своемъ отношеніи къ Нему. Мои наблюденія культа, ритуала и церемоній не научатъ меня ничему, если я не имѣю какого-нибудь объясненія ихъ смысла. Что они нѣчто означаютъ, что они имѣли, слѣдовательно, опредѣленное значеніе, когда вво-дились впервые, это несомнѣнно. Однако люди могутъ забыть это значеніе и удержать только одинъ обычай, такъ какъ онъ былъ переданъ имъ отъ предковъ; въ этомъ случаѣ они обычно соединяютъ съ нимъ вновь придуманный смыслъ. Можетъ быть профессор Норсінъ правъ, говоря въ своемъ нѣжномъ трудѣ *The Religions of India* относительно браманскихъ обрядовъ: «подробное описаніе этихъ обрядовъ прибавило бы немного къ дальнѣйшему его (интересующагося читателя) знанію данной религій, разъ онъ знаетъ уже фактъ, что жертва есть лишь одинъ высшій видъ. Символизмъ безъ народныхъ легендъ, съ безжизненными лишь образами вздорнаго мистицизма, составляетъ ея душу; а ея высшей формой служить извѣстное количество формулъ, механическихъ дѣйствій, жертвоприношеній и кровопролитій»¹⁾). Нѣкогда однако дѣло обстояло не такъ; нѣкогда символизмъ имѣлъ смыслъ, формулы были понятны, церемоніи были не просто лишь механическими. Если мы хотимъ узнать этотъ смыслъ, мы должны обратиться къ мифологій, отраженіемъ и репродукціей которой были эти формы и церемоніи²⁾).

Но не должны ли мы представлять дѣло наоборотъ и утверждать, что мифологія и ученіе должны быть изъясняемы изъ высшаго культа, поскольку они произошли изъ послѣдняго и служатъ символически-мистическимъ его описаніемъ? Представляется невѣроятнымъ, чтобы такое страшное положеніе, отзывающееся чѣмъ-то въ родѣ мистификаціи, могъ высказать и даже горячо защищать ученый, не опасаясь потерять своей репутаціи. И однако его упорно защищаетъ М. Paul Regnaud, французскій санскритологъ, который, можетъ быть, и имѣетъ право называть себя ученикомъ незабвеннаго Bergaigne'я, но не имѣетъ никакого права пекать у него въ данномъ случаѣ для себя поддержки. Удивительно, какъ часто намъ, въ концѣ нашего девятнадцатаго вѣка, приходится повторять Горациево *nil admirari*. Что случилось съ прославленнымъ французскимъ

¹⁾ P. 210.

²⁾ *Bergaigne, Rel. Védique*, I, 24.

bon sens? Правда, порой смѣлое положеніе, которому сначала никто не хотѣлъ вѣрить, въ концѣ концовъ оказывалось истинной, открытой геніемъ великаго мыслителя, которая блистательно подтверждалась затѣмъ дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ. Но я съ увѣренностью могу сказать, что здѣсь дѣло обстоитъ иначе, что утвержденіе дѣйствительно смѣло, но оно никогда не найдетъ мѣста въ наукѣ. Стоитъ только прочесть пять-шесть страницъ, на которыхъ М. Regnaud излагаетъ свои аргументы, чтобы видѣть, что онъ можетъ защищать свой тезисъ только путемъ такихъ объясненій текстовъ и словъ, которыя въ дѣйствительности лишь затемняютъ первые и искажаютъ вторыя. Лучшимъ опроверженіемъ этой мертворожденной теоріи дѣйствительно служатъ тѣ аргументы, которыми онъ пытается оправдать ее.

Чтобы изучить саму религію, которая есть расположеніе души, дѣлающее человека способнымъ стать въ отношеніе къ своему Богу, и такимъ образомъ становится опредѣленнымъ чувствомъ къ Богу, мы должны обратить вниманіе на все, въ чемъ обнаруживается это расположеніе и выражается это чувство,—какъ на слова, такъ и на дѣйствія, которыя вмѣстѣ составляютъ языкъ религіи. Очевидно, однако, что дѣйствія имѣютъ значеніе для нашего изслѣдованія только въ томъ случаѣ, когда мы знаемъ представленіе, соединяемое съ ними вѣрующимъ, и такимъ образомъ понимаемъ ихъ смыслъ. Если это представленіе не передано въ общемъ ученіи или въ спеціальныхъ памятникѣхъ, если оно не обнаруживается въ молитвахъ и гимнахъ, соединенныхъ съ дѣйствіемъ, или въ сопровождающихъ его церемоніяхъ, то мы будемъ стоять предъ загадкой, рѣшеніе которой мы можемъ только угадывать. Здѣсь вполне оправдывается старая аксіома, что когда двое или нѣсколько лицъ дѣлаютъ одно и то же, дѣло однако не одно и то же. Одинъ изъ сумерійскихъ текстовъ древне-вавилонскаго времени говоритъ, что отецъ жертвуетъ жизнью своего сына ради своей собственной. Такъ сдѣлалъ и Меса, царь моавитскій, когда онъ, въ виду іудейско-израильскаго стана, принесъ въ жертву на городской стѣнѣ своего сына-первенца. То же самое мы встрѣчаемъ и не въ одномъ арійскомъ преданіи, основывающемся на такомъ же воззрѣніи. Совершенно иное воззрѣніе выступаетъ въ извѣстномъ разсказѣ Бытія. Здѣсь отъ Авраама требуется принести въ жертву сына не для спасенія своей жизни, а для того, чтобы показать свою твердость вѣры и по-

слушаніе. Или возьмемъ другой примѣръ: въ Новомъ Заветѣ говорится, что двѣ женщины помазали Иисуса Христа миромъ, и нѣкоторые эзегеты признають оба разсказа за различные версіи одного и того же событія. Между тѣмъ, хотя обѣ изливаютъ драгоценное миро на тѣло Господа, одна дѣлаетъ это съ благоговѣнною любовью кающейся грѣшницы, а другая не только показываетъ безграничную любовь благодарнаго друга, но въ то же самое время помазаніемъ не ногъ, а главы Христа, прознаменуетъ Его посвященіе въ достоинство Мессіи, между тѣмъ какъ Христосъ, хотя и воздастъ ей высокую похвалу, отвергаетъ такое посвященіе и принимаетъ помазаніе только какъ приготовленіе къ погребенію, какъ посвященіе на смерть.

Или возьмемъ богослужебное дѣйствіе, назначеніе котораго состоитъ въ томъ, чтобы служить повтореніемъ того, чѣ совершено было Христомъ среди учениковъ въ послѣдній вечеръ Его жизни, и которое, согласно апостольскому преданію, Онъ повелѣлъ имъ совершать въ Его память.—святую Евхаристію. Весь христіанскій міръ, за немногими едва замѣтными исключениями, сохранилъ это учрежденіе. Реформаторы отвергли разныя таинства римско-католической церкви; но это таинство, вмѣстѣ съ крещеніемъ, они, а за ними и ихъ церкви, удержали. Нужно ли добавлять, что это богослужебное дѣйствіе только по внѣшности и исторически осталось тѣмъ же самымъ, и что весьма различный смыслъ, соединяемый съ нимъ у католиковъ, лютеранъ и реформатовъ, у Цвингели, Лютера и Кальвина, дѣлаетъ его въ каждомъ случаѣ совершенно различнымъ актомъ? Словомъ, какъ въ наукѣ, такъ и въ исторіи религіи, только тѣ богослужебныя дѣйствія имѣють цѣну, религіозное значеніе которыхъ мы можемъ открыть и прослѣдить. Представленія, выраженные въ мнѳической или догматической формѣ, въ символической или философской, должны всегда служить главнымъ источникомъ нашего познанія того религіознаго духа, который составляетъ истинную сущность религіи.

Все это только вводныя замѣчанія, въ которыхъ я попытался высказать свой взглядъ на науку о религіи и примѣнимый къ ней методъ. Въ слѣдующихъ лекціяхъ я попытаюсь раскрыть принципы нашей науки, показать, какъ она работаетъ, и каковы общіе результаты, достигнутые ею. Какъ было уже указано, задача нашей науки состоитъ въ томъ, чтобы познакомить насъ съ религіей, дать намъ возможность прослѣ-

дять ея жизнь и ростъ, и такимъ образомъ дойти до ея начала и внутренней ея природы. Такимъ образомъ наше изслѣдованіе естественно распадается на двѣ главныя части—1) морфологическую, которая имѣеть дѣло съ непрерывными измѣненіями формъ, являющимися слѣдствіемъ идущаго вѣчно впередъ развитія, и 2) онтологическую, которая занимается изслѣдованіемъ того, что остается постояннымъ во всѣхъ этихъ перемѣнахъ, опредѣляетъ неизмѣнный элементъ въ преходящихъ и вѣчно смѣняющихся формахъ.—словомъ, — начало, природу и сущность религіи. Первая часть и будетъ служить предметомъ настоящаго курса. Онтологическая часть останется для втораго курса.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки